

Независимая - 2004 -
21 янв.

Башмет извинился за опоздание

Московская премьера Литургии Канчели ждала своего часа тринадцать лет

Андрей Хрипин

В чем-то Москва впереди планеты всей, но бывает, что плетется и в хвосте. Симфоническая литургия Гии Канчели «Оплаканные ветром» была написана по просьбе Юрия Башмета для международного фестиваля Berliner Feswoche и исполнена в Берлине в 1990 году. С тех пор ее играли по всему миру, в Питере, в Тбилиси, а Москва почему-то ждала этого тринадцать долгих лет. Почему?

Башмет любит музыку Канчели, чувствует, умеет ее играть, как никто другой, и, пожалуй, афористичнее других сумел выразить квинтэссенцию этой музыки в словах: «Канчели – один из немногих авторов, отважива-

принесли исследования Орджоникидзе в области творчества Рихарда Штрауса). Литургия Канчели – это довольно-таки развернутая симфоническая форма в четырех частях общей протяженностью примерно 35 минут, восходящая к берлиозовскому «Гарольду». Солирующий альт воспринимается как внутренний голос автора – голос печали, рефлексии, глубоких переживаний и раздумий. Проникновенная кантилена башметовского смычка и будто бы нереальные, истаивающие пианиссимо производили ошеломляющий эффект. А как могло быть иначе? Но мы быстро привыкаем к хорошему, нам нельзя много гениального сразу.

Второй сюжет этого концерта был связан с тем, что зрите-

Музыка Канчели – это дыхание космоса, колыхание океана

ющихся писать глубокую, но при этом понятную всем, а главное, красивую музыку. Это само дыхание Космоса, колыхание океана, какое-то фантастическое марево...» Красоты сегодня все меньше и в жизни, и в искусстве, но во всех произведениях Канчели красота, можно сказать, спасает мир от дисгармонии и хаоса, и в этом творчество композитора сродни свершениям титанов Возрождения.

«Оплаканные ветром» – бессюжетное метафорическое произведение реквиемного, пассивного склада. Оно навеяно образами сакраментального для Грузии поэта Галактиона Табидзе и посвящено памяти Гиви Орджоникидзе – авторитетного музыковеда, председателя правления Союза композиторов Грузии (изучавшие историю музыки как предмет так или иначе не могли пройти мимо его работ, например, автору этих строк большую пользу в свое время

лей в зал запустили где-то без двадцати восемь – до 19.35 оркестр Башмета «Новая Россия» под управлением маэстро упорно репетировал Вторую сюиту из балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» (если б это помогло, ведь перед смертью не надышишься, как говорят в народе), и дружно пожаловавшие по случаю модной премьеры выпы были вынуждены ждать наравне со всеми «на половичке в прихожей». Буквально парил на крыльях Леонид Ярмольник в кожаных штанах, с букетом в руках фланировал усатый Вили Токарев, пришел послушать свой бывший оркестр Марк Горенштейн, украшением светской части вечера были также Маквала Касрашвили, Вера Глаголева, Роберт Стуруа, Давид Смелянский, Марк Розовский, и, конечно, Иосиф Кобзон, эффектно появившийся под занавес. Канчели слушал свою музыку на самом почетном месте

Музыку Гии Канчели Юрий Башмет понял с полуслова.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

в шестом ряду, а выйдя на поклон, по-русски трижды расцеловался с Башметом. Раньше концерту, чтобы считаться состоявшимся, достаточно было того, чтобы музыка была исполнена как минимум качественно.

Сегодня не то – концерт никогда и ни за что не будет признан успешным в глазах общественности, если он не обеспечен предварительным пиаровским шумом и необходимым кворумом вивов в зале.

Когда в 19.53 Башмет и американский дирижер русского происхождения Феликс Кругликов (ученик Ильи Мусина, ассистент Бернштейна и Меты в Нью-Йоркском филармоническом, как сказано в релизе) нако-

нец появились на сцене, сверху раздались истошные женские голоса: «Где извинения?» Буца была поддержана довольно хлипкими аплодисментами остальной части зала, которая, видимо, уже привыкает к регулярной задержке концертов в консерватории (и везде). Но хорошо уже хотя бы то, что русский народ не безмолвствует, другое дело, что в такой форме... Башмет ответил ровно через час, в начале второго отделения. Он сказал буквально следующее: «Уважаемые дамы и господа, мы вас извиняем за ваши мобильные телефоны, а вы нас простите за опоздание». Прозвучало символически.

Третьим отдельным сюжетом стал башметовский стипендиат, 17-летний петербургский пианист Мирослав Култышев в Первом юношеском концерте Прокофьева. Москва открывала для себя новое дарование и, кажется, полюбила его с первого звука. В игре Култышева сверкает тот самый солнечный свет, который подметил Бальмонт в своем сонете, адресованном «ребенку богов» Прокофьеву. Редкое по нынешним временам слияние исполнителя с автором было исчерпывающим, казалось даже, что дух юного Прокофьева витает в зале где-то между портретами композиторов. Этим бы жизнеутверждающим эликсиром и заканчивать концерт, но «Новой России» пришлось-таки играть злополучного «Ромео»: скука, помарки, как всегда, особенно заметные у духовых, стоячая вода и вялотекущая смерть Джульетты в конце без всяких бисов. Тут можно предположить, что тип Башмета – гениального творца сиюминутно-импровизационного склада – несколько не совпадает с более прозаическим способом существования в музыке у самого оркестра, воспитанного ранее в духе строгой армейской дрессировки. Возможно, поэтому нынешнему мэтру не всегда еще удастся сливаться в экстазе со своими подопечными.